

УДК 87.3 (575.2) (04)

ПРОБЛЕМА СИСТЕМНОСТИ В ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИНАХ

И.В. Федяй – канд. филос. наук, докторант

The author has analyzed and proposes new principles of General History generalization and periodization.

Проблема обобщения сегодня самая насущная для гуманитарных дисциплин. Без какого-либо единого принципа обобщения абсолютно невыполнимым остается главное требование науки – системность, т.е. открытие внутреннего плана изучаемой организации. Поэтому процветание в гуманитарной сфере явного, либо скрытого позитивизма идет не от хорошей жизни. Используемый ранее в советской науке формационный метод был, конечно, односторонним, и пр., и пр., но хоть какой-то общий план, пусть внешний, все же давал, и системность в гуманитарных дисциплинах присутствовала. С отвержением его наступил полный хаос. Общая же тенденция такова, что в политических науках используется, в виде неписанного правила, унитарно-эволюционный (линейный) метод (формационный является лишь одним из его вариантов). А в дисциплинах культурологических пытаются применять метод цивилизационный. Так как эти методы взаимно отвергают друг друга, то получается, что история культуры, с одной стороны, и различные истории (философии, политики и пр.) – с другой, строятся на совершенно разных, более того, на принципиально несовместимых основах.

Что же можно сказать о существующих на сегодня унитарно-эволюционном и цивилизационном (морфологическом) методах? Унитарно-эволюционный метод заключается в перспективном взгляде на человеческую историю, где все культурные формы предстают не

как сгустки бытия, имеющие в себе свои центры и подлежащие собственным законам, а как безличный пассивный материал для заполнения извне на него накладываемой искусственной схемы упорядочивания. Таким образом, здесь налицо искусственность, схематичность и перспективный обман – т.е. все, что к нам ближе, кажется совершенней и лучше, а все, что дальше – мельче и ничтожней. Все формы человеческой культуры располагаются в виде ступенек единой лестницы постепенного восхождения к вершине, так что ни одна из них не имеет самостоятельного значения, а является лишь пьедесталом для последующей. Индивидуальный, внутренний план культурных форм при этом совершенно не учитывается. Это – поверхностный, внешний взгляд на историю, который после критики Данилевского, Шпенглера, Тойнби стыдливо припрятывают, признавая идеологически вредным (расизм) и научно ложным, но который скрыто является, тем не менее, господствующей основой современного мировоззрения. В политологических дисциплинах он используется совершенно открыто, ибо без него невозможно оправдать западоцентризм и усиленно навязываемый “новый мировой порядок”. Но имеет этот метод и более достойное оправдание, а именно: интуитивное желание какого-то общего взгляда на человеческую историю, томление по каким-то общим корням и единой конечной цели.

Другой принцип – морфологический (цивилизационный) впервые был выдвинут и

обоснован Н.Я. Данилевским. Он заключается в открытии внутреннего плана цивилизаций, воплощением которого и являются различные культурные формы. Эти внутренние “типы организаций” – не ступени развития в лестнице постепенного совершенствования культур, а совершенно различные планы, в которых своеобразными путями достигается доступное для них разнообразие и совершенство форм, планы, не имеющие общего знаменателя, через подведение под который можно было бы проводить между ними сравнение для определения степени их совершенства. Поэтому, только внутри одного и того же типа (цивилизации) и можно отличать те формы исторического движения, которые обозначаются словами: древняя, средняя и новая история¹. Таким образом, каждый культурный организм предстает здесь как реальность, насквозь организованная, нигде не безразличная, подлежащая своим законам, и не могущая поэтому быть использована как простой материал для общей унитарно-эволюционной схемы обобщения. Метод этот восхваляется, но кроме культурологических дисциплин нигде не используется. Он совсем не удовлетворяет стремлению увидеть наличие хоть какого-то общего движения. Мир здесь предстает как россыпь культурно-исторических типов, и движение существует только внутри них, никакого общего исторического движения тут быть не может. Поэтому и предпринимались попытки совмещения обоих принципов, самая известная из которых – историческая периодизация К. Ясперса. Но нам она представляется совсем неудачной, ибо совмещение это является чисто механическим, и главным принципом объединения выступает принцип временный, т.е. опять-таки эволюционный и внешний. Кстати, в настоящее время предлагается еще один выход из положения и – самый радикальный. Заключается он в стремлении обойтись без системности вообще. Это, так называемый, “бихевиориальный переворот”, представленный ярче всего в политологии. Его представители считают, что научному видению, в данном случае политике (а вообще и философии, социологии и пр.),

¹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – М., 2003. – С. 107–108.

препятствуют как концепты базисно-надстроечного детерминизма и линейной истории, имеющей predetermined финал (унитарно-эволюционный метод), так и представление об обществе как единой органической целостности и об общественных группах как монолитных блоках, связанных единством целей, ценностей (цивилизационный метод). Получается, что научному видению препятствует любая системность вообще. Поэтому, выход из положения заключается в том, чтобы отбросить принцип системности, т.е. то, что и делает науку наукой. Вот так просто и радикально. Это называется “демонтаж концептов, препятствующих научному видению политики, истории и пр.”. Научность же видится в том, чтобы различные явления вычленять из реального контекста и рассматривать их чисто фактично, позитивно. Но, так как результат такового вычленения и фактичного рассмотрения оказывается множественным, относительным и неустойчивым (растрепанностью чувственного материала), то смысл (научность, трансцендентальность) из этого ничтожного результата и приходится переносить в сам процесс движения к нему (результату). Процесс получает априорные формы. Деятельность из момента, определяемого целью, сама становится единственной целью, определяющей все моменты. Процесс абсолютизируется, перестает быть средством и становится целью сам для себя. Смысл видится не в результате, к которому он ведет, а в нем самом, в его бесконечности и непрерывности. Цель и содержание процесса – эмпиричны (растрепанность чувственного материала), а формы его – трансцендентальны (априорность этой чувственности). Вот и весь бихевиоризм, где различные культурные формы жизни (государство, народ, власть и пр.) понимаются не как сущности, имеющие определенное содержание, происхождение и историю развития, а как постоянно меняющиеся результаты постоянно текущей деятельности индивидов. Единственное постоянное здесь – сама эта текущая индивидуальная деятельность, т.е. процесс. Дело в том, что уничтожение системности (некоей неизменной составляющей) приводит к тому, что вся действительность предстает в виде сменяющейся фактичности чувственного материала, и тогда

единственно возможной неизменностью становится постоянство самого этого изменения. Поэтому, в придании этому бесконечному изменению, процессу автономности и априорности и видится единственно возможная научность. Переход позитивизма в бихевиоризм (деятельностную парадигму) – неизбежен.

На данном же этапе проблемные вопросы периодизации обычно откладываются, и история представляется как переход от обществ традиционного типа к современному. Это значит, что история общественного устройства исследуется с линейно-эволюционных позиций. Но историю культуры продолжают рассматривать с позиций цивилизационных (просто иное рассмотрение после исследований Данилевского, Шпенглера, Тойнби уже невозможно), где при различии содержательных основ и вертикальном типе связей такие переходы невозможны в принципе. И получается, что принцип, на котором строится история культуры во всем противоречит принципу, на котором строятся истории политических учений, правовых, философии и пр. С этим мы и попытались разобраться и предложить свое решение данной проблемы.

Если морфологический метод открывает внутренний план культурных организаций, а эволюционный дает внешний, перспективный взгляд на них, то задача наша должна заключаться в том, чтобы открыть внутренний план, типологию в самом общеисторическом движении, а во внутренних типах культурных организмов отыскать общую перспективу развития. В первый, внешний принцип внести внутреннее, структурное деление, а во второй внутренний – внешний, перспективный взгляд на это структурное различие. Поясним. Системный метод заключается в рассмотрении не отдельных фактов, событий, культурных форм, а связей между ними, т.е. внутренний план организации, создающий ее структурную целостность, зависит именно от этих связей, ибо системность – это способность связываться. Таким образом, все дело в связях, и для решения нашей задачи рассматривать нужно именно их. Если рассмотреть традиционный тип общества и современный изнутри, нетрудно будет заметить, что они представляют собой не просто разные, а противоположные

структурные принципы, и основываются на противоположном типе связей. А значит, дело вовсе не во времени, ибо “современный” структурный принцип можно найти и в древности, а традиционный существует в некоторых обществах и сейчас. Что же это за противоположные структурные принципы?

Традиционные системы основываются на некоем содержательном начале, некоей смысловой доминанте, которая напитывает внутренние связи своим смыслом и определяет их направление. Поэтому связи в культурных системах являются реальностью насквозь организованной, нигде не безразличной, имеющей внутреннее целевое строение. А значит, культурные системы, перефразируя П.А. Флоренского, можно назвать бытийными сгустками, соблюдающими свою оккультную индивидуальность и растущими в раз принятом направлении. Это и есть культурно-исторические типы по Н.Я. Данилевскому. Качество этой индивидуальности (душа культуры по Шпенглеру) будет разной, но структурное строение у всех этих культурно-исторических типов – общее. Таким образом, в основе всех традиционных систем лежит единый структурный принцип – форма определяется содержанием и выражает собой его. Поэтому все системные связи – экономические, политические, художественные и пр. – несут в себе определенную смысловую нагрузку, а значит, создают формы стильные, индивидуально-своеобразные и непременно пространственно внешне ограниченные, прерывные, ибо расти могут только содержательно, внутренне в направлении, заданном той или иной доминантой. Расползаться вширь они не в состоянии, поэтому никаких общечеловеческих культурных форм при таком типе связей не бывает, поэтому мир и предстает как россыпь различных культурных систем, основанных на вертикальном типе связей, а значит, горизонтально дискретных. Понятно, что всеобщего исторического движения здесь быть не может, история идет только внутри систем – у каждой своя, потому и возрасты у них разные. Движения общего здесь не происходит, а всевозможные войны между системами – это всего лишь способ их существования. Эти войны не меняют внутренней структуры соседей, не разрывают системных

связей в воюющих организациях, а значит, и роли всеобщего исторического события сыграть не могут. Качественного скачка (События), как перехода в иное измерение, при этих столкновениях (даже при полном уничтожении одной из воюющих систем) не происходит, ибо, в каких бы огромных количествах не использовалась сила, она никогда не приведет к Событию (т.е. к разрыву системных связей), если не будет направлена определенным образом. Поэтому, при традиционной структуре жизни, все события (разрушаются одни культурно-исторические системы, появляются другие и пр.) совершаются в рамках этой же структуры, а значит, никакого перехода к современному типу системы при этом не происходит и происходить естественным, закономерным путем не может. Каждая традиционная система растет и совершенствуется на своей же содержательной основе, т.е. в рамках традиционного структурного принципа, а ландшафтное и этническое разнообразие мира обеспечивает содержательное разнообразие культурных систем, невозможность единого всеобщего содержания и, следовательно, единой всеобщей глобальной системы при таковой традиционной структуре. Поэтому переход к современному типу общества – это переход к иному структурному принципу.

В современной структуре содержание скатывается с уровня определяющего, стержневого на уровень эмпирический, относительный (растрепанность чувственного материала), тогда как форма этой чувственности эмансипируется от нее и следует отныне лишь имманентной логике движения собственных абстрактных понятий, восхождением к которым, как к уровню трансцендентальному, только и можно теперь получить общезначимый статус. Происходит структурный переворот, в результате которого системообразующий верховный момент из качественного аспекта переносится в аспект количественный, формальный – юридический, говоря современным языком. Данный переворот уничтожает не просто те или иные культурно-исторические типы, а саму возможность любого культурно-типového, традиционного существования. Современное общество организуется на горизонтальном типе связей, которые эмансипируются от любой

содержательности, соотнесения с любой реальностью – этнической, политической, экономической и пр. – и единственным смыслом которых становится их собственная непрерывность. Таким образом и появляется система глобальная, построенная на принципиально ином типе связей, имеющая иную внутреннюю структуру и, в качестве таковой, противостоящая всем культурным системам сразу. Поэтому, традиционная и современная системы – это системы, построенные на противоположном структурном принципе и противоположном типе связей. Первая – пространственно внешне ограниченная, зато внутренне – актуально беспредельная, основанная на вертикальных, несущих строго определенную смысловую нагрузку, связях. Вторая – сетевая, плоская, основанная на формальных, отвлеченных от любой культурной реальности, а значит, пространственно непрерывных связях, которая и существовать может только как повсеместная, глобальная, не терпящая никаких пространственных ограничений. Освобождаясь от содержательной тяжести, связи делаются формально-абстрактными, а значит, способными неограниченно расширяться, пересекать любые культурные и политические границы, соотносясь теперь только с логикой движения таких же формально-абстрактных денег. Таким образом, гегемония содержательная, культурно-типová заменяется гегемонией формальной, абстрактно-понятийной – юридической (правовой) в идеале, денежной в действительности. Горизонтальный тип связей непременно требует создания единого правового пространства, т.е. растворения границ политических, экономических, культурно-типových в едином, “общечеловеческом” глобальном мировом порядке, причем, лишившись укоренения в реальности, связи не только освобождаются от содержательной зависимости, но и начинают безудержно расслаиваться. Так политическая сфера культурного организма отделяется от его же социальной сферы и начинает безудержно расширяться в горизонтальном направлении, т.е. связываться с такими же эмансипированными и формально-отвлеченными политическими сферами других культур и государств (например, постепенное образование всемирного политического про-

странства, как подготовка к созданию единого мирового правительства). Параллельно ей, в том же горизонтальном направлении, но по иным нишам расползаются сферы социальная, экономическая и пр., не связанные больше друг с другом в органическом единстве, зато образующие единство неорганическое – общечеловеческое, глобальное. Таким образом, культурные организмы расслаиваются на параллельные горизонтально-плоские линии – политические, экономические, эстетические и пр., образуя единое глобальное сетевое пространство. И мы оказываемся на пороге нового мирового порядка, так называемой глобализации, т.е. единой тотальной системы, построенной на формально-абстрактном, отвлеченном от любой (природной, политической, традиционной и пр.) реальности, типе связей.

Переход к современному системному типу – это переход к иной внутренней структуре, перестройка всего существования на ином структурном принципе, с иным типом связей. А значит, представлять историю в виде естественного движения от традиционного типа общества к современному, как его высшей стадии – совершенно неверно, ибо этот переход происходит через полное разрушение традиционной структуры жизни и создание затем структуры совершенно иного типа. Происходит это, во-первых, сознательно, путем целенаправленных волевых усилий, а значит, искусственно, волюнтаристично, а не органично и естественно. А во-вторых, это значит, что новый структурный принцип, ради которого сознательно разрушаются традиционные формы существования, уже должен быть в наличии (хотя бы в головах и теориях). Поэтому переход от традиционного типа систем к современному есть результат борьбы между, уже имеющимися в наличии, двумя противоположными структурными принципами, а значит, переход этот во многом искусственно-волюнтаристический и частный, а не органический, необходимо-объективный и общий. Он является не эволюцией принципа традицион-

ного, не высшей его степенью, а полной противоположностью. И существовал он в истории всегда в борьбе с традиционным принципом, как его отвержение и наличие альтернативной возможности существования.

Отсюда не трудно заметить, что унитарно-эволюционный (линейный) метод основывается на “современном”, формально-юридическом структурном принципе и принимает во внимание лишь его. По этому методу различные общественные формы – политические, экономические или социальные – рассматриваются как ступени (высшие, низшие) поступательного развития одной единственной общей формы (т.е. отражают формальный структурный принцип) и следуют лишь имманентной логике движения ее отвлеченных понятий. Существование иного, традиционного, структурного принципа как альтернативы, здесь вообще не принимается во внимание. В то время как метод цивилизационный основывается лишь на культурно-типовом, традиционном структурном принципе и принимает во внимание лишь его. Отсюда их противоположность и несовместимость, отсюда же и их ограниченность. История представлена двумя структурными принципами, а существующие методы ее периодизации основаны лишь на каком-либо одном из них. А значит, картину всеобщей истории ни тот, ни другой дать не могут. Ибо всеобщую историю необходимо строить, принимая во внимание сразу возможность и наличие двух структурных принципов, основывающихся на двух противоположных типах связей. Всеобщая история – это не борьба различных культурно-типовых систем и не эволюция (как логическое движение имманентных фаз одной и той же общей для всех формы) одной и той же формальной основы систем от ее низших ступеней к высшим. История – это борьба двух структурных принципов, представленных двумя альтернативными типами существования – содержательного, качественного (культурно-исторического) и формально-безличного, юридического.